

4. Грушевський М. Історія української літератури: В 6 т., 9 кн. / Упоряд. В. В. Яременко. – К.: Либідь, 1996. – Т. 6, кн. 1: Літературний і культурно-національний рух першої половини XVII ст. – 332 с.
5. Кондратик Л. Релігійознавча концепція В'ячеслава Липинського. – Луцьк: Надстир'я, 2002. – 260 с.
6. Кондратик О. М. Грушевський про роль протестантизму в історії України // Наук. вісник Волинського держ. ун-ту ім. Лесі Українки. Серія: Філософія, соціологія, культура. – 1996. – № 2. – С. 85–91.
7. Липинський В. Аріянський соймик в Киселині на Волині в маю 1638 р. (Причинок до історії аріянства на Україні) // ЗНТШ. – 1910. – Т. 96. – С. 41–57.
8. Липинський В. Релігія і Церква в історії України // Політологічні читання. – 1994. – № 2. – С. 223–266.
9. Липинський В. Листи до братів-хліборобів / НАН України, Ін-т східноєвроп. досліджень; Східноєвроп. дослід. ін-т. Київ, Філадельфія, 1995. – 470 с.
10. Паславський І. Реформація та її впливи на українське духовне життя в народницькій історіографії (від М. Костомарова до М. Грушевського) // Історія релігії в Україні: Зб. наук. пр. – Львів: Логос, 1994. – С. 123–127.
11. Паславський І. Реформація та її впливи на українське духовне життя в історіософії Михайла Грушевського // Михайло Грушевський. Зб. наук. праць і мат. міжнарод. ювілейної конф., присвяченої 125-ї річниці від дня народження Михайла Грушевського. – Львів, 1994. – С. 167–175.

Кононенко Т.В.

П.И. ПЕСТЕЛЬ: К ВОПРОСУ О ПРОГРАММЕ ДЕКАБРИСТА

Одним из идеологов декабризма, как известно, был Павел Иванович Пестель, лидер Южного общества, автор «Русской Правды», одного из программных документов декабристского движения. С именем П.И.Пестеля связана вся история декабристских организаций. На наш взгляд, весьма точную характеристику лидера Юга дает И.Д.Якушкин: «Пестель всегда говорил умно и упорно защищал свое мнение, в истину которого он всегда верил, как обыкновенно верят в математическую истину; он никогда и ничем не увлекался. Может быть, в этом-то и заключалась причина, почему из всех нас он один в течение почти 10 лет, не ослабевая ни на одну минуту, усердно трудился над делом Тайного общества. Один раз доказав себе, что Тайное общество верный способ для достижения желаемой цели, он с ним слил свое существование [1, с. 23]». В истории декабризма П.И.Пестель представляет левое, радикальное, направление. По утверждению Н.А.Бердяева, П.И.Пестеля можно считать «первым русским социалистом». Он – «предшественник революционных движений в русской интеллигенции».

Актуальность данной статьи обусловлена, в первую очередь, интересом к отечественной истории, к отечественной общественной мысли. Научно-практическое значение проблемы декабристского движения видится нам в изучении опыта борьбы идеологов декабризма и их идей. В конечном итоге эта проблематика трансформируется в одну из дискуссионных проблем – о роли личности в истории.

К сожалению, современные исследователи, в том числе и украинские, не проявляют должного интереса к истории декабристского движения. Мы вынуждены констатировать факт отсутствия современных значимых публикаций по проблеме декабризма. Наша статья – это попытка изменить ситуацию, вернуть в сферу активного обсуждения проблематику декабристского движения, в частности, Южного общества. Среди последних исследований, опосредованно связанных с нашей проблематикой, мы выделяем работы Г.В.Гребенькова (методика исследования: аксиологический подход), В.П.Заблодского (современный либерализм, история либерализма), Д.Е.Музы (философия истории, русская философия), В.В.Шкоды (русская философия), И.А.Яли (проблема личности в истории, лидер и его функции).

Цель статьи – представить программу П.И.Пестеля, разграничить ее устный, радикальный, и письменный, либеральный, варианты, акцентировать проблемы царевубийства, диктатуры Временного Верховного правительства и республики.

В научно-исследовательской литературе, посвященной движению декабристов, на наш взгляд, более полно и ярко представлены деятельность П.И.Пестеля в тайных обществах, программа, утвержденная Тульчинской управой и Южным обществом, которую можно определить как устный вариант программы декабриста, чем комплекс «Русской Правды», его основные пласты, проблематика, что является письменным вариантом программы лидера Юга. С именем П.И.Пестеля, как правило, связывают план радикальных действий: царевубийство, истребление всей императорской семьи, диктатуру Временного Верховного правительства, республику. В тексте «Русской Правды» декабрист останавливается на решении вопроса о власти. Центральными моментами дошедших до нас первых пяти глав «Русской Правды» являются территориально-административный, социальный и аграрный вопросы. Следовательно, остается открытым вопрос: готов ли был П.И.Пестель представить свою радикальную программу в тексте конституции, или сколь соответствовали друг другу устный и письменный варианты программы декабриста?

Важное замечание содержится в «Записках» князя С.Г.Волконского: «В это же время положено было, что царевубийство должно быть в Южной думе принято основным правилом как старых, так и при приеме новых членов. Эта мера в основании своем имела не безусловное приведение в действительность, но как обуздывающее предохранительное средство к удалению из членов общества; согласие, уже не дававшее больше возможности к выходу, удалению из членов общества, полной ответственностью за первоначальное согласие. Это изложение не есть вымысел, теперь мною придуманный, но чистая, современная тому времени уловка, и это я выказываю по сущей истине [2, с. 366-367]». Данное высказывание С.Г.Волконского объясняет многие, на первый взгляд, нелогичные действия П.И.Пестеля. Лидер Южан был скорее теоретиком, чем практиком. Так, предложив Югу свою радикальную программу в 1821 – 1822 годах, он отвергает многочисленные предложения С.И.Муравьева-Апостола и М.П.Бестужева-Рюмина о немедленном выступлении, начинает писать конституцию лишь в 1824 году. Символичным является тот факт, что текст «Русской Правды» заканчивается именно на рассмотрении вопроса о власти, то есть

П.И.Пестель не решается представить текст, предлагающий республиканское правление. Отметим также, что во время Петербургских совещаний 1824 года лидер Юга не настаивает на собственной программе, более того, во имя объединения обществ он изъявляет готовность пожертвовать ее определенной частью. В числе таких «жертв» могли оказаться и центральные вопросы: о верховной власти, о судьбе императорского дома, аграрная и социальная реформы.

Проблема соотношения теоретического и практического аспектов, собственной точки зрения о необходимости республики и реальных отношений в российском государстве так и не была решена декабристом. П.И.Пестель был вынужден отодвинуть разрешение этого противоречия. Тот факт, что декабрист сознательно дал себя арестовать, спасая этим страну от гражданской войны («...решался я лучше собою жертвовать нежели Междусобие начать...»), еще раз свидетельствует о том, что он был прежде всего теоретиком, для которого главным было не вооруженное выступление, а создание конституции. В показаниях лидер Южного общества констатирует: «Я наиболее всегда занят был обдумыванием моей Конституции нежели самим приведением в Дѣйствие Революции хотя и обь ономъ при случаѣ также разсуждал [3, с.180]». Эту позицию подтверждают и другие декабристы. В.Л.Давыдов показывает на следствии: «...Пестель никогда, по крайней мере, при мне, к действию склонен не был...[4, с.205]». М.П.Бестужев-Рюмин вспоминает: «Разговаривая с Матвеем Муравьевым о произшедшем в лагере под Лещиным, я точно ему сказал, что странно что Пестель давно утверждающий, необходимость истребления всей Императорской фамилии, не успел однако же найти заговорщиков как Славян, готовых с радостью собою жертвовать [5, с.122]».

В истории декабристского движения идея царевубийства возникает несколько раз. Как мы уже отмечаем, традиционно эту идею декабристоведа связывают с программой П.И.Пестеля. Однако первыми предложение царевубийства сделали М.С.Лунин, А.Н.Муравьев и И.Д.Якушкин. Как показывает П.И.Пестель, в 1816 – 1817 году М.С.Лунин предложил сформировать специальный отряд и на Царскосельской дороге убить императора [3, с.159]. Это подтверждает Н.М.Муравьев, свидетельствуя на следствии, что в 1816 году до своего отъезда во Францию М.С.Лунином в разговоре с ним и П.И.Пестелем предусматривал возможность нападения на царя [6, с.320]. Сам М.С.Лунином подтверждает Следственному Комитету эти показания, отмечая, что данный разговор состоялся в 1818 – 1819 году [7, с.126].

В конце 1817 года предложение царевубийства поступает от И.Д.Якушкина. В своих мемуарах декабрист описывает происходящие тогда события следующим образом: «Однажды Александр Муравьев, захав в один дом, где я обедал и в котором он не был знаком, велел меня вызвать и сказал с каким-то таинственным видом, чтобы я приехал к нему вечером. Я явился в назначенный час. Совещание это было не многолюдно; тут были, кроме самого хозяина, Никита, Матвей и Сергей Муравьевы, Фонвизин, князь Шаховской и я. Александр Муравьев прочел нам только что полученное письмо от Трубецкого, в котором он извещал всех нас о петербургских слухах: во-первых, что царь влюблен в Польшу и это было всем известно; на Польшу, которой он только что дал конституцию и которую почитал несравненно образованнее России, он смотрел как на часть Европы; во-вторых, что он ненавидит Россию, и это было вероятно после всех его действий в России с 15-го года; в-третьих, что он намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить их к Польше, и это было вероятно; наконец, что он, ненавидя Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву... Меня проник[ла] дрожь; я ходил по комнате и спросил у присутствующих, точно ли они верят всему сказанному в письме Трубецкого и тому, что Россия не может быть более несчастна, как оставаясь под управлением царствующего императора; все стали меня уверять, что то и другое несомненно. В таком случае, сказал я, Тайному обществу тут нечего делать, и теперь каждый из нас должен действовать по собственной совести и собственному убеждению. На минуту все замолчали. Наконец, Александр Муравьев сказал, что для отвращения бедствий, угрожающих России, необходимо прекратить царствование императора Александра и что он предлагает бросить между нами жребий, чтобы узнать, кому достанется нанести удар царю. На это я ему отвечал, что они опоздали, что я решился без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести [1, с.16-17]». Декабрист далее пишет: «Я решился по прибытии императора Александра отправиться с двумя пистолетами к Успенскому собору и, когда царь пойдет во дворец, из одного пистолета выстрелить в него, из другого – в себя. В таком поступке я видел не убийство, а только поединок на смерть обоих [1, с.18]».

К обсуждению идеи царевубийства декабристы возвращаются в 1820 году. Во время Петербургских совещаний ее озвучивает Н.М.Муравьев, представляя декабристам вместе с П.И.Пестелем единую программу действий. Именно эта программа, включающая в себя царевубийство, истребление императорской семьи, диктатуру Временного Верховного правительства, республику, с 1820 года становится ориентиром для Южан. После реорганизации Тульчинской управы в 1821 – 1822 годах она официально утверждается как программа Южного общества.

Великая Французская революция и многочисленные дворцовые перевороты XVIII века в России показали уязвимость самодержавной власти. Как в Западной Европе, так и в России был создан прецедент не только для замены царствующей особы, правящего дома, но и для ликвидации царствующей семьи, для смены формы правления в целом. Князь П.В.Долгоруков, один из первых исследователей декабристского движения, в некрологе С.Г.Волконского приводит следующую историю: «Однажды, на очной ставке Волконского с Пестелем, Павел Васильевич Голенищев-Кутузов, в молодости своей бывший в числе убийц Павла, сказал им: «Удивляюсь, господа, как вы могли решиться на такое ужасное дело, как царевубийство?» Пестель ответил: «Удивляюсь удивлению именно в. пр-ва, вы должны знать лучше нас, что это был бы не первый случай». Кутузов не только побледнел, но и позеленел, а Пестель, обращаясь к прочим членам комиссии, сказал с улыбкою: «Случалось, что у нас в России за это жаловали андреевские ленты!» [2, с.416]».

Думается, что царевубийство, истребление всей императорской семьи, диктатура Временного прави-

тельства не были обусловлены кровожадностью или амбициями П.И.Пестеля. Они выступали гарантом окончательной победы декабристов, смены существующего режима и будущих преобразований. В своих показаниях М.П.Бестужев-Рюмин приводит следующий пример: «По возвращении нашей Дивизии из Бобруйска, я ездил к Пестелю, дабы дать ему отчет в нашем плане. Когда он услышал что мы намеревались токмо арестовать Государя, он сказал «теперь я рад что никого в Бобруйск по вашему требованию не прислал. Арестование Государя произвело бы, или междуусобную войну, или неминуем[ую] нашу гибель. Кто устережет Государя? Неужели вы думаете что приставленные к нему часовые не оробеют от одного взгляда его? неужели вы думаете что никому не взойдет в голову изменить вам, выручить Государя и тем без великаго риска получить великую награду». Он еще приволил много доводов теперь забытых мною, и кончил, объявляя от имени всего общества что никто не станет действовать покуда существует Государь. – Возвратясь к Сергею Муравьеву, я все это ему передал, и тогда мы положили дать согласие на смерть Государя, но твердо стоять за остальных особ Императорской фамилии... [5, с.109-110]».

В качестве гаранта реформ П.И.Пестель всегда рассматривал диктатуру Временного Верховного правительства. В своих показаниях Следственному Комитету он отмечает: «Опасения на щеть безначалия и беспорядковъ при Революціи произойти могущихъ изъясляю я всегда самъ, и говоря о необходимости Временнаго Правленія, приводилъ въ Подкрѣпленіе сей Необходимости всѣ опасенія на щеть безначалия и беспорядковъ: мнѣніемъ полагаю, что надежнѣйшее и единственное средство къ отвращенію оныхъ состояло бы въ Учрежденіи Временнаго Правленія [3, с.155]». Очевидно, что посредством Временного Верховного правительства П.И.Пестель мог получить реальную политическую власть после военного переворота, контролировать все сферы жизнедеятельности российского общества и государства, проводить свои реформы.

Идея диктатуры Временного правительства вызывала негативную реакцию со стороны многих декабристов, в первую очередь лидеров Севера, поскольку ассоциировалась с личностью П.И.Пестеля, с его честолюбивыми планами. Н.И.Лорер, подчеркиваем, ближайший товарищ П.И.Пестеля, в своих мемуарах пишет: «Пестель был действительно человек с большими способностями, но мы полагали его и тогда слишком самонадеянным, и для республики, о которой он мечтал, недоставало в нем достаточно добродетелей. Правда, он был защитником свободы, а вместе с тем увлекался через меру честолюбием... Павла Ивановича приятно было слушать, он мастерски говорил и всегда умел убеждать, но часто проглядывало в его словах непомерное честолюбие и тщеславие [8, с.345]».

По-видимому, идея диктатуры Временного Верховного правительства формируется у П.И.Пестеля на протяжении нескольких лет. В «Записках» С.П.Трубецкого отмечен один чрезвычайно важный для нас момент. Так, еще в начале 1817 года на первом общем заседании членов Союза Спасения «для прочтения и утверждения устава» П.И.Пестель в прочитанном им вступлении отметил, что Франция «блаженствовала под управлением Комитета общей безопасности». Как утверждает С.П.Трубецкой, реакция декабристов была негативной: «Восстание против этого утверждения было всеобщее, и оно оставило невыгодное для него впечатление, которое никогда не могло истребиться и которое поселило навсегда к нему недоверчивость [8, с.22]». Далее, основываясь на показаниях П.И.Пестеля, декабристологи отмечают влияние А.Дестю де Траси на радикализацию взглядов декабриста. Однако исследователи упускают из виду тот факт, что П.И.Пестель называет два имени: А.Дестю де Траси и М.Н.Новикова, его республиканскую конституцию. П.И.Пестель отмечает, что, согласно М.Н.Новикову, верховная власть должна заключаться «въ особомъ Сословіи, коего предсѣдатель имѣлъ два голоса а прочіе члены только по одному [3, с.113]». Можно предположить, что это положение М.Н.Новикова явилось для П.И.Пестеля еще одним свидетельством в пользу диктатуры Временного правительства.

Идею диктатуры П.И.Пестель представляет декабристам на Петербургском совещании 1820 года. В отличие от Северян, желающих ввести во Временное правительство наиболее значимых российских либералов, П.И.Пестель всегда настаивал на том, что членами данного правительства должны быть лидеры тайного общества. Очевидно, что одно из мест во Временном Верховном правительстве декабрист отводил для себя. Он планировал свою «Русскую Правду» как программу первых преобразований, которые и должно было ввести в течение 8 – 10 лет Временное Верховное правительство.

На наш взгляд, остается открытым вопрос о республиканской форме власти. Ни в показаниях, ни в воспоминаниях декабристов мы не находим четких представлений о республике. Декабристы, вспоминая программу П.И.Пестеля, говорят о республике в целом, однако не ясно, каким образом они представляли республиканскую модель власти на практике в условиях современной им России. На совещании 1820 года, как известно, речь шла о президентской республике, которая для декабристов мало чем отличалась от конституционной монархии. По-видимому, и далее, ведя речь о республике, П.И.Пестель представлял ее как президентскую республику по аналогии с Соединенными Штатами Америки. В своих мемуарах Н.И.Лорер пишет: «Не раз беседуя с Пестелем с глазу на глаз в длинные зимние вечера, я часто спрашивал его:

– Как это вы, П<авел> И<ванович>, гениальный человек, а не шутя полагаете возможным водворить в России республику?

– А Соединенные Штаты чем же лучше нас? – отвечал он мне [8, с.344]». Такой вариант был, пожалуй, наиболее приемлемым для П.И.Пестеля, поскольку модель президентской республики совмещала в себе и волюнтаристские, и демократические установки декабриста. Можно предположить, что идеалом П.И.Пестеля была республика с сильной президентской властью.

Думается, что неопределенность в представлениях о республике, отсутствие разработок этой проблемы объясняется тем, что по плану П.И.Пестеля республиканская форма правления вводилась не сразу. Вероятно, новая конституция и республика сменяли через 8 – 10 лет «Русскую Правду» и диктатуру Временного Верховного правительства.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что Павел Иванович Пестель был прежде всего теоретиком, для

которого смыслом жизни стала его конституция. В «Русской Правде» он пытается поставить под контроль все сферы жизнедеятельности общества. Декабрист неоднократно констатирует, что целью государства является благоденствие общества в целом и каждого из его членов. Однако суть данного благоденствия определяется избранными людьми, представителями слоя повелевающих. Являясь автором конституции и потенциальным диктатором, фактически это благоденствие определяет сам П.И.Пестель.

Источники и литература

1. Записки, статьи, письма декабриста И.Д.Якушкина. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 740 с., ил.
2. Волконский С.Г. Записки. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991. – 512 с., ил.
3. Восстание декабристов. Том IV. – М.-Л.: Государственное издательство, 1927. – 488 с.
4. Восстание декабристов. Том X. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – 336 с.
5. Восстание декабристов. Том IX. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. – 308 с.
6. Восстание декабристов. Том I. – М.-Л.: Государственное издательство, 1925. – 540 с.
7. Восстание декабристов. Том III. – М.-Л.: Государственное издательство, 1927. – 446 с.
8. Мемуары декабристов. – М.: Правда, 1988. – 576 с. 8 л. илл.

Кочнова О.А.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

С того времени, как человек впервые попытался осветить историческое событие, и до сегодняшних дней, важнейшим требованием к историческому исследованию являлось достижение «объективной истинности», т.е. летописцы и историки должны были писать и говорить только о том, что действительно было на самом деле.

В последнее же время понятия исторический «факт», «истина», «объективность» становятся относительными, вследствие чего и интерес к ним несколько ослаб. Но так как история все же является наукой, то, как любая наука она не может обходиться без законов, а законы, как известно, опираются на факты. Таким образом, актуальность данного исследования определяется адекватностью понимания и осмысления роли факта в историческом познании.

Основная цель статьи – проанализировать проблему исторического факта, обратившись к опыту предшествующих исследователей. Заявленная цель конкретизируется в следующих задачах:

1. дать сравнительный анализ отношения исследователей к таким понятиям как «истина», «объективность», «факт»;
2. исследовать природу исторического факта.

В историческом познании высказывания, которым придается значение «истины», обычно именуются «фактами». Этот термин также может иметь разные значения, но в строгом определении к «фактам» относятся высказывания о существовании каких-либо элементов реальности, которым придается значение «истины». Процесс придания значений высказываниям происходит как на индивидуальном, так и на групповом уровне. В процессе индивидуального исследования, формулируя свое мнение о происхождении какого-либо явления или события. Автор придает ему значение «истины» и называет «фактом». Однако «фактом» это высказывание становится лишь в случае его социального признания в качестве «истины». Так как в переводе с латинского термин «факт» означает сделанное, деяние, дело, то напрашивается вывод, что это слово относится только к высказываниям о совершенных действиях и их результатах. Поэтому в историческом познании этот термин в основном применим только к утверждениям, где предполагается наличие объектов и субъектов действий. Но в иных видах познания термин «факт» приобрел расширенное значение и применяется к высказываниям о природной реальности. Чтобы разобраться с этим понятием, необходимо проследить, как разные исторические школы в различные исторические эпохи подходили к решению данной проблемы.

В античный период истории предполагали, что все знания состоят из истинных суждений. Философы нового времени анализ истины тесно связывали с мыслительной деятельностью. Философия двадцатого века в своем отношении к исторической истине взяла за основу кантовского положения об истине как согласии мышления с самим собой и прежде всего с так называемыми априорными формами.

В настоящее время можно выделить три основных подхода к вопросу истины. Первый подход получил распространение в работах Р.Карнапа, Б. Рассела, П. Дэвидсона и др. Здесь акцент был смещен от аристотелевского требования соответствия высказывания реальности в сторону логического анализа самих высказываний. Соответственно можно сделать вывод, что данный подход развивался в рамках логического позитивизма, где центральным было требование логической непротиворечивости.

Родоначальником второго подхода явился Ч. Пирс, который в рамках прагматической философии определил истину как общезначимое принудительное верование.

Третий подход получил распространение в работах Э. Гуссерля и впоследствии, М. Хайдеггера. Гуссерлем было сформировано онтологическое понимание истины. Истина была определена как сама определенность бытия, т.е. единство значений, существующее независимо от того, усматривает его кто-то или нет.

В рамках философии исторического знания можно выделить три направления, которые доминировали во второй половине двадцатого века. Первое направление представлен аналитической философией истории, представлен работами К.Гемпеля, Э.Нагеля, У.Дрея, М.Уайта, А.Данто. Данные авторы много вни-